

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-253-259

Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

ШАЙДУЛЛИНА Венера Камилевна,
кандидат юридических наук, доцент
Центра практической юриспруденции и
цифровых компетенций
Юридического факультета Государственного
академического
университета гуманитарных наук, Москва, Россия,
ORCID: 0000-0002-2716-9282,
тел.: +7 (968) 865-74-74,
e-mail: vk.shaydullina@gmail.com

УЧАСТНИКИ ОБОРОТА ЦИФРОВЫХ (ВИРТУАЛЬНЫХ) АКТИВОВ В РОССИИ И АЗЕРБАЙДЖАНЕ: ОТ СПЕЦИАЛЬНЫХ СТАТУСОВ К ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СОПОСТАВИМОСТИ

Аннотация. В статье сопоставляются правовые подходы России и Азербайджана к определению круга лиц, участвующих в обороте цифровых (виртуальных) активов, и их правового положения. Исследование опирается на новый российский закон о цифровых валютах и цифровых правах 2026 г., азербайджанское законодательство о противодействии легализации преступных доходов и акты центрального банка, а также на данные о реестрах и регуляторной песочнице.

Показано, что цифровой оборот не порождает новых субъектов гражданского права: его участниками выступают уже известные правопорядку лица, наделяемые специальным статусом в зависимости от выполняемой функции. Российское право распределяет функции размещения, учета, обмена, посредничества и майнинга между несколькими поименованными категориями профессиональных участников, азербайджанское – объединяет их в широкой категории поставщика услуг виртуальных активов.

Делается вывод, что сближение двух правопорядков должно касаться не наименований участников, а гражданско-правовых последствий их деятельности: порядка возникновения и перехода прав, содержания обязанностей перед обладателем актива и оснований ответственности. Функциональный подход ФАТФ может служить общим ориентиром для такой работы.

Ключевые слова: цифровые права; цифровая валюта; виртуальный актив; субъект гражданского права; оператор информационной системы; цифровой депозитарий; поставщик услуг виртуальных активов; майнинг; Российская Федерация; Азербайджанская Республика.

Для цитирования: Шайдуллина В. К. Участники оборота цифровых (виртуальных) активов в России и Азербайджане: от специальных статусов к функциональной сопоставимости // Образование и право. 2026. № 10. С. 253–259.

SHAIDULLINA Venera Kamilevna,
Candidate of Legal Sciences; Associate Professor,
Center for Practical Jurisprudence and Digital Competencies,
Faculty of Law, State Academic University for the Humanities,
Moscow, Russia

PARTICIPANTS IN THE CIRCULATION OF DIGITAL (VIRTUAL) ASSETS IN RUSSIA AND AZERBAIJAN: FROM SPECIAL STATUSES TO FUNCTIONAL COMPARABILITY

Annotation. The article compares the approaches of Russia and Azerbaijan to defining the range of persons involved in the circulation of digital (virtual) assets and their legal status. The study

draws on the new Russian law on digital currencies and digital rights of 2026, Azerbaijani anti-money laundering legislation and central bank acts, as well as data on registers and the regulatory sandbox.

It is shown that digital circulation does not create new subjects of civil law: its participants are persons already known to the legal system who acquire a special status depending on the function they perform. Russian law distributes the functions of placement, recording, exchange, intermediation and mining among several named categories of professional participants, whereas Azerbaijani law brings them together in the broad category of a virtual asset service provider.

The article concludes that convergence of the two legal systems should concern not the names of participants but the civil-law consequences of their activities: the rules on the creation and transfer of rights, the content of duties owed to the asset holder and the grounds of liability. The functional approach of the FATF may serve as a common reference point for this work.

Key words: digital rights; digital currency; virtual asset; subject of civil law; information system operator; digital depository; virtual asset service provider; mining; Russian Federation; Republic of Azerbaijan.

For citation: Shaidullina V. K. Participants in the circulation of digital (virtual) assets in Russia and Azerbaijan: from special statuses to functional comparability. *Education and law*. 2026;(10):253–259. (In Russ.).

Введение

Правовое регулирование цифровых (виртуальных) активов долгое время строилось вокруг вопроса об объекте: что представляет собой цифровой актив и можно ли включить его в систему объектов гражданских прав. Однако по мере формирования рынка на первый план выходит другой вопрос – кто и в каком качестве участвует в обороте таких активов. От ответа на него зависят распределение обязанностей между сторонами, выбор лица, отвечающего перед обладателем актива, и сама возможность защитить нарушенное право.

Для сравнения российского и азербайджанского права этот вопрос особенно актуален. В 2026 г. в России принят Федеральный закон от 4 августа 2026 г. № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах», который существенно расширил и детализировал круг профессиональных участников. Азербайджанское регулирование развивается иначе: базовые категории участников закреплены в законодательстве о противодействии легализации преступных доходов, а специальный режим рынка виртуальных активов еще формируется [12].

Цель статьи – выявить, как каждая из двух правовых систем определяет участников оборота цифровых (виртуальных) активов, сопоставить избранные подходы и определить, в каком направлении возможно их сближение.

Доктринальные подходы к субъекту цифрового оборота

Первоначально внимание исследователей было сосредоточено на двух фигурах – лице, выпускающем актив, и его приобретателе, тогда как профессиональный посредник оставался в тени. Между тем уже ранние работы о цифровых финансовых активах показывали, что открытость

записей в распределенном реестре сочетается с регулируемой инфраструктурой: выпуск возможен лишь в информационных системах, операторы которых включены Банком России в специальный реестр [10], а доступ к сведениям об активе определяется правилами соответствующей системы [5]. Отсюда следует, что состав участников задается не технологией как таковой, а регуляторными решениями, преследующими цели публичного контроля и защиты слабой стороны.

В литературе оператор информационной системы и оператор обмена отнесены к профессиональным участникам финансового рынка, опосредующим выпуск и обращение цифровых активов [3]. Их особый статус обусловлен выполняемыми функциями, публично-правовыми требованиями и включением в реестр, но не выводит их за пределы общего правового положения юридических лиц. Этот функциональный подход представляется наиболее продуктивным: участников целесообразно различать не по формальным признакам (физическое или юридическое лицо, резидент или нерезидент), а по содержанию выполняемой функции – эмиссии, учета, организации торгов, посредничества, подтверждения записей, надзора.

Важно и то, что появление новых участников инфраструктуры не означает появления новых субъективных прав. Е.А. Суханов характеризует цифровые права как «не новый вид субъективных гражданских прав (...), а лишь их новую («цифровую») форму» [9]. Применительно к субъектному составу это означает, что «оператор», «цифровой депозитарий» или «поставщик услуг» представляют собой не новые виды правосубъектности, а специальные статусы известных гражданскому праву лиц. Поэтому изучать следует не особых субъектов, а специальные правовые режимы их деятельности.

Связь правового режима актива с участниками инфраструктуры отмечается и при разграничении цифровых финансовых активов и бездокументарных ценных бумаг: одним из критериев выступают наличие посредника и архитектура информационной системы [4]. Вместе с тем содержание удостоверяемых прав определяет решение о выпуске, а не оператор: оператор устанавливает правила системы, способы учета и порядок доступа. Следовательно, взаимосвязь объекта и субъекта проявляется в законодательном распределении функций между эмитентом, оператором и обладателем. Для невзаимозаменяемых токенов, где такие функции нормативно не распределены, условия осуществления прав фактически определяет платформа, и специальное регулирование призвано превратить этот фактический контроль в юридически оформленные обязанности [8]. Наконец, терминологическая неопределенность цифрового регулирования [11] и дискуссия о том, являются ли цифровые права объектом или лишь формой закрепления прав [2], подтверждают, что квалификация объекта и определение статуса участника – связанные, но самостоятельные вопросы.

Участники оборота по российскому законодательству

Базовый уровень субъектного состава образуют эмитенты и обладатели цифровых прав. В отличие от профессиональных участников, их статус не зависит от лицензии или включения в реестр Банка России. Эмитентом может быть юридическое лицо, индивидуальный предприниматель, а также орган публичной власти, принимающий обязательства от имени публично-правового образования. Последнее создает нормативную предпосылку для оформления таких обязательств в цифровой форме, однако их допустимость в каждом случае должна оцениваться с учетом бюджетного законодательства. Обладатель цифрового права определяется через способ учета: при учете на цифровом счете – по приходной записи, при учете на адресе-идентификаторе – по доступу, предоставленному цифровым депозитарием, либо по владению ключом доступа и праву распоряжаться активом от своего имени. Круг обладателей не ограничен российскими лицами, однако возможность приобрести конкретный выпуск зависит от решения о выпуске и категорий доступности, устанавливаемых Банком России.

Центральное место в инфраструктуре сохраняет оператор информационной системы – российское хозяйственное общество, включенное в реестр Банка России. Размещение цифровых прав осуществляется путем внесения записей оператором по указанию эмитента, поэтому возникнове-

ние права связано не только с волеизъявлением сторон, но и с юридически значимым учетным действием. Отношения оператора с эмитентом оформляются договором об оказании услуг по размещению, заключаемым путем присоединения к правилам системы; оператор может быть и эмитентом собственных прав. Помимо учетной функции, он вправе содействовать заключению договоров путем сопоставления заявок либо совершать сделки за свой счет в интересах третьих лиц, что влечет обязанность выявлять конфликты интересов и управлять ими. Закон допускает также размещение и перевод цифровых прав в иностранную информационную систему. Это частично отвечает на проблему права, применимого к трансграничным операциям с цифровыми правами [6], но не устраняет ее: содержание права определяется российским законодательством, тогда как учет в иностранной системе может подчиняться иному правопорядку.

Самостоятельным участником становится цифровой депозитарий, который ведет цифровые счета, обеспечивает учет и переход цифровых валют и цифровых прав и предоставляет доступ к адресам-идентификаторам; расчетный депозитарий обслуживает сделки, заключенные на организованных торгах. При этом функции учета не отделены от оператора жестко: цифровые права могут учитываться в системе как оператора, так и депозитария, а депозитарий вправе открывать у оператора счет номинального держателя. Поэтому российскую модель правильнее описывать как многоуровневую систему учета с допустимым сочетанием функций, а не как их строгое институциональное разделение.

Круг участников расширен за счет традиционных посредников финансового рынка: организатора торговли, брокера, доверительного управляющего, клиринговой организации. Отдельный статус получает организация, осуществляющая обмен цифровых валют, деятельность которой определена через систематическое совершение сделок от своего имени и за свой счет вне организованных торгов (не менее двух сделок в месяц на сумму свыше 3,5 млн руб.). Закон тем самым воспроизводит известный финансовому рынку принцип функциональной специализации посредников, что соответствует ранее высказанному в литературе выводу о сближении цифровой инфраструктуры с традиционными институтами [7], но дополняет его особенностями цифровой среды – адресами-идентификаторами и взаимодействием с иностранными системами.

Допуск на рынок построен по модели регулируемого входа. Оператор, цифровой депозитарий и обменная организация должны быть российски-

ми хозяйственными обществами, включенными в реестры Банка России; к ним предъявляются требования к собственным средствам (для обменной организации закон прямо устанавливает минимум в 15 млн руб.), к программно-техническим комплексам на территории России, внутреннему контролю и управлению рисками, деловой репутации руководителей и владельцев значительных долей, а также обязанность членства в саморегулируемой организации. Такие требования повышают защищенность обладателей активов, но одновременно увеличивают стоимость входа на рынок; двойственный характер регулирования, одновременно ограничивающего и открывающего возможности, отмечался и применительно к прежнему закону [1].

Особую группу составляют лица, осуществляющие майнинг, участники и организаторы майнинг-пулов и операторы майнинг-инфраструктуры. Майнинг охватывает вычисления как для выпуска цифровой валюты, так и для подтверждения записей, поэтому майнер лишь частично сопоставим с валидатором и не совпадает ни с эмитентом, ни с оператором. Граждане без статуса предпринимателя могут заниматься майнингом в пределах установленного лимита энергопотребления; следовательно, эта деятельность не всегда является предпринимательской. Контроль здесь распределен между налоговым органом и органами, определяемыми Правительством Российской Федерации, а не сосредоточен у Банка России.

Положение приобретателей дифференцируется не через ограничение правоспособности, а через режимы допуска к отдельным активам: права, ограниченные в обращении решением о выпуске; права только для квалифицированных инвесторов; права, доступные после тестирования; права без ограничений. Для цифровых валют предусмотрен отдельный режим тестирования и годовой предел приобретения для неквалифицированных инвесторов, не применяемый к внешнеторговым расчетам. Соблюдение ограничений возложено прежде всего на инфраструктурных участников, а их нарушение влечет, например, обязанность оператора выкупить права у приобретателя. Банк России выступает основным регулятором финансовой инфраструктуры, располагающим полномочиями от ведения реестров до обращения в суд с заявлением о ликвидации, однако в целом российскую модель точнее характеризовать как сочетание централизованного финансового надзора с распределенным контролем в сфере майнинга.

Участники оборота по азербайджанскому законодательству

Первичный контур участников в Азербай-

джанской Республике задан Законом от 30 декабря 2022 г. № 781-VIQ «О борьбе с легализацией имущества, полученного преступным путем, и финансированием терроризма». Закон относит поставщиков услуг виртуальных активов к финансовым учреждениям и обязанным лицам и определяет их функционально: через обмен виртуальных активов на национальную валюту, валютные ценности или иные виртуальные активы, их перевод, организацию сделок и хранения, а также финансовые услуги, связанные с приобретением, продажей и первичным размещением таких активов.

Более подробный перечень участников поддержат Правила проведения операций с виртуальными активами, утвержденные решением Правления Центрального банка Азербайджанской Республики от 24 февраля 2023 г. № 11/1: владелец актива, бенефициар, поставщик услуг, а также поставщики со стороны отправителя и получателя. Однако вступление Правил в силу отложено до принятия актов о деятельности поставщиков услуг, а по содержанию они посвящены надлежащей проверке клиентов, передаче сведений по цепочке операции и целевым финансовым санкциям. Они не определяют гражданско-правового положения обладателя актива и не разграничивают статусы обменной организации, хранителя или организатора торгов. Поэтому азербайджанскую модель на данном этапе следует характеризовать как функциональную и преимущественно публично-правовую.

Переход к полноценному регулированию связан с законодательным пакетом, представленным на утверждение в 2026 г.: по позиции Центрального банка, организации, работающие с криптоактивами, должны будут получать лицензию и находиться под постоянным надзором. Опубликованные сведения пока не позволяют утверждать, что будущий закон закрепит закрытый перечень специализированных статусов, сопоставимый с российским. Недопустимо и отождествлять азербайджанское лицензирование с включением в реестры Банка России: это разные механизмы допуска. Сближение двух правовых режимов можно констатировать лишь на общем уровне – в переходе к обязательному публично-правовому допуску профессиональных участников и последующему надзору.

Нормативный состав и фактическая инфраструктура

Сопоставление нормативного состава с фактической инфраструктурой подтверждает различие стадий развития двух рынков. В России новый режим опирается на уже сложившийся сегмент цифровых финансовых активов: на конец 2025 г. в реестре Банка России состояли 19 операторов

информационных систем, из них 13 вели активную деятельность; за 2025 г. было размещено 2007 выпусков на 1,65 трлн руб.; к 20 августа 2026 г. число операторов выросло до 25, то есть на 31,6 %. В Азербайджане постоянного реестра поставщиков услуг пока нет, и показательными остаются данные регуляторной песочницы: в двух циклах было подано 35 заявок, к тестированию допущено восемь проектов (22,9 %), из которых пять (62,5 %) непосредственно связаны с виртуальными активами.

С цивилистической точки зрения эти данные важны не сами по себе. Они показывают, что в России функции уже закреплены за специализированными субъектами, и договорные обязанности и ответственность могут распределяться между оператором, депозитарием, брокером и другими участниками. В Азербайджане апробируемые модели чаще соединяют обмен, перевод, посредничество и хранение в одном лице. Соответственно, российская модель тяготеет к множественности специализированных обязательственных связей, а азербайджанская – к концентрации нескольких обязанностей в одном договорном контрагенте, что непосредственно влияет на определение лица, отвечающего перед обладателем актива.

Функциональный и институциональный подходы

Оба правопорядка формируют состав участников с учетом Рекомендаций ФАТФ. Рекомендация 15 требует регулировать, лицензировать или регистрировать поставщиков услуг виртуальных активов, а само понятие такого поставщика построено функционально – через обмен, перевод, хранение, администрирование активов и связанные с их размещением финансовые услуги. Статус тем самым зависит не от наименования участника и не от технологии, а от содержания его деятельности.

Азербайджанское регулирование почти непосредственно воспроизводит эту логику: единая категория поставщика охватывает разнородные по экономическому содержанию операции, а Правила 2023 г. различают роли участников конкретной операции. Российский законодатель избрал институционально-функциональный путь: вместо общей категории закреплено несколько самостоятельных статусов, содержание каждого из которых определяется через перечень функций. Поэтому противопоставлять российскую модель как институциональную азербайджанской как функциональной было бы упрощением – различие состоит прежде всего в степени нормативной дифференциации.

Функциональный подход ФАТФ может служить общим ориентиром для обоих государств

не в смысле замены национальных категорий единым понятием, а в смысле недопущения ситуации, когда экономически однородная деятельность выпадает из регулирования лишь потому, что ее технологическая или договорная форма не названа законом. Для России это означает необходимость четко разграничивать смежные функции, прежде всего оператора и цифрового депозитария, допуская их правомерное сочетание. Для Азербайджана – последовательно конкретизировать общую категорию поставщика, дифференцируя требования к обмену, хранению, посредничеству и иным функциям в зависимости от их рисков, не создавая при этом обязательно отдельный вид юридического лица для каждой из них.

Отдельного внимания требует трансграничный аспект. Российский закон вводит категорию иностранного цифрового инструмента и допускает взаимодействие с иностранными системами; азербайджанские Правила выделяют поставщиков со стороны отправителя и получателя именно потому, что виртуальный актив может передаваться между поставщиками разных государств. Однако трансграничных участников точнее рассматривать не как особый вид субъекта, а как характеристику правоотношения: один и тот же поставщик, депозитарий или владелец актива может действовать в иностранной системе или с иностранным контрагентом. Соответствующие вопросы решаются через применимое право, юрисдикцию и признание юридических последствий операций, а не через создание новой категории правосубъектности.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать несколько выводов. Оборот цифровых (виртуальных) активов не создает новых субъектов гражданского права: его участниками выступают уже известные правопорядку лица, получающие специальный статус в зависимости от выполняемой функции. В России такой статус закрепляется за несколькими поименованными категориями профессиональных участников, в Азербайджане – за широкой функциональной категорией поставщика услуг виртуальных активов.

Определяющее значение имеет не наименование участника, а содержание его прав и обязанностей. Действия оператора, депозитария или поставщика услуг могут быть юридически фактами, с которыми связаны возникновение, учет и переход имущественных прав. Сочетание нескольких функций в одном лице не требует запрета, если обеспечены разграничение обязанностей, предотвращение конфликта интересов и возможность определить ответственное перед обладателем актива лицо.

Сближение российского и азербайджанского регулирования должно быть направлено не на унификацию наименований профессиональных участников, а на согласование гражданско-правовых последствий их деятельности: правил возникновения и перехода прав, содержания обязанностей перед обладателем, порядка исполнения договоров, способов защиты и оснований ответственности. Соотношение диспозитивных и императивных норм при этом должно определяться характером функции, степенью профессионального участия и объемом рисков, которые деятельность создает для обладателей активов.

Список литературы:

- [1] Агеев В. Н., Власов А. В. Потенциал применения цифровых финансовых активов // Финансовый журнал. 2020. Т. 12, № 6. С. 100–112.
- [2] Агibalова Е. Н. Цифровые права в системе объектов гражданских прав // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. Т. 33, № 1. С. 90–99.
- [3] Грачева Е. Ю., Ситник А. А., Папаскуа Г. Т. Правовое регулирование применения финансовых технологий в условиях цифровизации российской экономики: монография / под ред. Е. Ю. Грачевой, А. А. Ситника. М.: Проспект, 2023. 240 с.
- [4] Захаркина А. В. Цифровые финансовые активы через призму учения о бездокументарных ценных бумагах // Ex jure. 2022. № 3. С. 55–69.
- [5] Иванова С. А., Горбачева О. Ю. Юридическое содержание конструкции «цифровые финансовые активы» // Образование и право. 2024. № 5. С. 201–205.
- [6] Кузьменков М. Ю. Коллизионное регулирование оборота цифровых прав // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 3. С. 152–159.
- [7] Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г. Особенность правового статуса оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператора обмена цифровых финансовых активов как организаций, обеспечивающих цифровые финансовые технологии // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 9 (85). С. 124–134.
- [8] Ситник А. А. NFT как объект правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 12. С. 84–93.
- [9] Суханов Е. А. Проблемы развития российского частного права: избранные труды 2018–2023 гг. М.: Статут, 2023. 384 с.
- [10] Харитонов Ю. С., Санникова Л. В. Цифровые финансовые инструменты для социализации частного права // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 39. С. 208–224.
- [11] Цареградская Ю. К. Трансформация предмета финансово-правового регулирования в условиях развития цифровой экономики // Актуальные проблемы финансового права в условиях цифровизации экономики: монография / под ред. Е. Ю. Грачевой. М.: Проспект, 2020. 256 с.
- [12] Шайдуллина В. К. Проблемы гражданско-правового регулирования цифровых финансовых активов в международных расчетах на примере законодательства Российской Федерации и Азербайджанской Республики // Современное право. 2025. № 6. С. 126–130.

References:

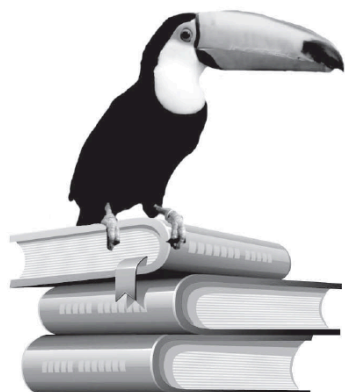
- [1] Ageev V. N., Vlasov A. V. The Potential for the Use of Digital Financial Assets // Financial Journal. 2020. Vol. 12, No. 6. pp. 100–112.
- [2] Agibalova E. N. Digital Rights within the System of Objects of Civil Rights // Legal Bulletin of Dagestan State University. 2020. Vol. 33, No. 1. pp. 90–99.
- [3] Gracheva E. Yu., Sitnik A. A., Papaskua G. T. Legal Regulation of the Use of Financial Technologies in the Context of the Digitalization of the Russian Economy: A Monograph / ed. by E. Yu. Gracheva, A. A. Sitnik. Moscow: Prospekt, 2023. 240 p.
- [4] Zakharkina A. V. Digital Financial Assets through the Lens of the Doctrine of Non-Documentary Securities // Ex Jure. 2022. No. 3. pp. 55–69.
- [5] Ivanova S. A., Gorbacheva O. Yu. The Legal Content of the Concept of "Digital Financial Assets" // Education and Law. 2024. No. 5. pp. 201–205.
- [6] Kuzmenkov M. Yu. Conflict-of-Laws Regulation of the Circulation of Digital Rights // Actual Problems of Russian Law. 2021. Vol. 16, No. 3. pp. 152–159.
- [7] Rozhdestvenskaya T. E., Guznov A. G. Specifics of the Legal Status of an Operator of an Information System in Which Digital Financial Assets Are Issued, and an Operator of a Digital Financial Asset Exchange, as Entities Facilitating Digital Financial Technologies // Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSAL). 2021. No. 9 (85). pp. 124–134.
- [8] Sitnik A. A. NFTs as an Object of Legal Regulation // Actual Problems of Russian Law. 2022. Vol. 17, No. 12. pp. 84–93.
- [9] Sukhanov E. A. Issues in the Development of Russian Private Law: Selected Works 2018–2023. Moscow: Statut, 2023. 384 p.
- [10] Kharitonova Yu. S., Sannikova L. V. Digital Financial Instruments for the Socialization of Private

Law // Tomsk State University Journal of Law. 2021. No. 39. pp. 208–224.

[11] Tsaregradskaya Yu. K. Transformation of the Subject Matter of Financial Law Regulation in the Context of the Developing Digital Economy // Actual Problems of Financial Law in the Context of the Digitalization of the Economy: A Monograph / ed. by

E. Yu. Gracheva. Moscow: Prospekt, 2020. 256 p.

[12] Shaidullina V. K. Issues of Civil Law Regulation of Digital Financial Assets in International Settlements: A Case Study of the Legislation of the Russian Federation and the Republic of Azerbaijan // Sovremennoe Pravo (Modern Law). 2025. No. 6. pp. 126–130.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.